

Е.В. Соловьева (Москва, Россия)

Научно-методический вклад Ролана Барта в изучение мировой литературы¹

Аннотация: Ролан Барт, французский философ и лингвист, оказал влияние на всю мировую филологию. Основу всех его научных трудов составляет разработка методики изучения литературного произведения, важной задачей которой является установление структуры произведения. Формулируемые теоретические положения Барт дополняет примерами анализа конкретных произведений, являющихся для исследователей литературы образцами структурного анализа. Научно-методическое наследие Барта определяют три основных понятия: структурализм, семиотика и языковой символизм, являющиеся единичными понятиями, тесно связанными между собой. По мнению Барта, структурализм, порожденный моделью языка, предстает как тип творческой практики, состоящей из расчленения действительности, а затем из ее воссоздания на основе аналогии функций обнаруживаемых единиц. Произведение Булгакова «Мастер и Маргарита» никогда не было подвергнуто структурному анализу по примеру Барта, способному раскрыть его семиотическое и символическое значение. Статья посвящена структурному освящению жанровой принадлежности произведения как личного «дневника» писателя и интенционального взаимодействия двух крупных единиц повествования, образующих интертекст. Семиотический структурализм Барта помогает увидеть уникальное новаторство писателя в повествовательной структуре произведения, глубокий символизм, порожденный биографической и исторической социологией.

Ключевые слова: структурализм, семиотика, символизм, жанр, дневник, интертекст, «Мастер и Маргарита», повествование

E. V. Solovieva (Moscow, Russia)

Roland Barthes's Scientific and Methodological Contribution to the Study of World Literature

Abstract: Roland Barthes, a French philosopher and linguist, influenced the entire world philology. The basis of all his scientific works is the development of a methodology for studying a literary work, an important task of which is to establish the structure of the work. Barthes's complements the formulated theoretical propositions with examples

¹ В основе статьи доклад, представленный на XI Международной научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности».

of the analysis of specific works, which are examples of structural analysis for literary researchers. Barthes's scientific and methodological heritage is defined by three main concepts: structuralism, semiotics and linguistic symbolism, which are consubstantial concepts, closely related to each other. According to Barthes, structuralism, generated by the language model, appears as a type of creative practice consisting of the dismemberment of reality, and then of its reconstruction based on the analogy of the functions of the detectable units. Bulgakov's work "The Master and Margarita" has never been subjected to structural analysis following the example of Barthes able to reveal its semiotic and symbolic meaning. The article is devoted to the structural consecration of the genre belonging of the work as a personal "diary" of the writer and the intentional interaction of two large narrative units that make up the intertext. Barthes's semiotic structuralism helps to see the writer's unique innovation in the narrative structure of the work, deep symbolism generated by biographical and historical sociology.

Key words: structuralism, semiotics, symbolism, genre, diary, intertext, "The Master and Margarita", narrative

С самого начала своей педагогической и научной деятельности Р. Барт заинтересовался методикой анализа художественного воображения. На его творчество самое большое влияние оказали работы М. Бахтина и Б. Брехта, но в свою очередь французский философ и лингвист оказал влияние на всю мировую филологию. Очень часто изучение литературного текста сводится к пересказу содержания произведения и строится в основном на выяснении того, что хотел сказать автор, в результате чего из исследования выпадает функционально значимый характер структурных особенностей повествования. Попытка установить структуру литературных произведений является важной задачей литературоведа, считает Барт [Барт 1989: 341].

Итак, научно-методическое наследие Барта объединяют три основных понятия: структурализм, семиотика и языковой символизм, – являющиеся единственными понятиями, тесно связанными между собой. В статье «От науки к литературе» под словом «структурализм» в методическом плане Барт понимает «определенный способ анализа явлений культуры, исходящий из методов современной лингвистики» [Барт 1989: 377]. «На всех своих уровнях – на уровне сюжета, дискурса и слова – литературное произведение предстает для структуралиста как структура, всецело подобная структуре языка», так как литература есть продукт языка, а структурализм порожден одной из его моделей языка [Барт 1989: 378, 379].

С точки зрения ученого литература несет в самой себе черты методологии ее изучения, поскольку «литература, подобно науке, методична: в ней есть программы изысканий, меняющиеся в зависимости от школы и эпохи... правила исследования, порой даже претензии на экспериментальность», пишет Барт в статье «Критика и истина» [Барт 1989: 376].

Поскольку Барт является структуралистом-семиотиком, в его трактовке литературное произведение есть прежде всего знак, а в тексте значимо всё, считает ученый. В связи с этим в основе разрабатываемой Бартом методики лежит мысль о том, что литература должна быть включена в некую общую теорию знаковых систем [Барт 1989: 341]. Для этого, полагает Барт, следует выйти за пределы литературы и обратиться к культурной антропологии, необходимо знать, что такое логика, история, психоанализ, нужно принимать во внимание внелитературные

факторы, такие как история и глубины психики. В настоящее время наблюдается выход за пределы повествовательного и информационного литературоведения. В качестве примера можно упомянуть междисциплинарный структурно-методологический подход польского литературоведа Анны Мажьярчик в ее книге о романе как игре и людической эстетике Р. Кёно [Maziarczyk 2007], а также в ее книге о романной реструктуризации издательства Минюи [Maziarczyk 2017]. Структурно-философский подход прослеживается в статье Жужи Хетени из Венгрии «Антропоним как нарративный прием проблематизации идентичности автора и героя (Набоков и Шкловский в Берлине)», рассматриваемый в социо-историческом контексте [Хетени 2021], или в статье «Антропологический и семиотический аспекты трансгрессии в творчестве Л. Улицкой» другого венгерского исследователя, Тюнде Сабо, которая опирается в своем семиотическом анализе на трансгрессию, философско-антропологическую категорию постмодернизма [Сабо 2021].

Необходимость широкого теоретического принципа изучения литературы Барт объясняет тем, что мир литературного произведения всеобъемлющ и охватывает все виды знания: социальное, психологическое, историческое. Барт очерчивает два различных методологических подхода исследователя, который, с одной стороны, может нацелиться разом на все смыслы произведения, т. е. на какой-то полный смысл, служащий всем им опорой, а с другой – лишь на какой-нибудь один из этих смыслов, что мы и наблюдаем в приводимых выше примерах.

Важное значение для понимания структурализма Барта имеет его работа «Структурализм как деятельность» [Барт 1989], представляющая суть его теоретических размышлений на тему методики анализа литературного произведения. Структурализм как деятельность представляет собой особый тип творческой человеческой практики – как упорядоченная последовательность мыслительных операций, включающая два главных действия: сначала расчленение действительности, а затем ее воссоздание, моделирование или монтаж, происходящее на основе подражания (мимесиса), на аналогии функций обнаруживаемых единиц. Барт предлагает учитывать связь единиц между собой в виде отношения интеграции, подобного тому, какое существует между фонемами и словами, между словами и предложениями, образующими при этом самостоятельные уровни описания. Смысл такого анализа заключается, как его поясняет Барт, в точности описания логики порождения любых смыслов, а не какого-либо одного из смыслов. Барт включает в структурный анализ произведения также описание рассказываемых историй, их составные части и единицы, способы их соединения. Помимо этого структурализм принимает во внимание рубрики, разряды, распределение единиц, т. е. их таксономию. Структурный анализ, по его мнению, отбрасывает таким образом ложную стилистическую идею выразительности.

Одной из важных семиотических особенностей литературы, по мысли Барта, является то, что она представляет собой вид дискурса. Это особый тип сообщения, или знака, предметом которого служит его собственная форма, а не содержание, т. е., иначе говоря, язык произведения, являющийся метаязыком или вторичным языком. Литературное сообщение обладает множественностью смыслов, так как символический язык, на котором пишутся произведения, по самой своей структуре являются языком множественным, т. е. языком, объясняет Барт, код которого построен таким образом, что любая порождаемая им речь (произведение) обладает множеством смыслов [Барт 1989: 353].

Язык, по выражению Барта, составляет самую плоть литературы, объясняя подобное явление тем, что неопределенность и множественность свойственна уже самому языку, а произведение, согласно Барту, изъято из какой бы то ни было ситуации. По его мнению, слова в произведении полностью утрачивают свою референциальную ценность, так как они, по нашему мнению, приобретают символическую значимость. Таким образом, язык произведения становится еще и инструментом перевода действительности из одной семиотической системы в другую, т. е. из мира реальности в мир художественного вымысла. Семиотика художественного текста ставит проблему обнаружения единиц текста, которые не совпадают с имеющимися в резерве лингвистики единицами, такими как межфразовое единство, предложение и т. д., но отвечают смыслу семиотической системы литературного произведения в целом. Семиотическая составляющая структурного анализа Барта выражается в том, что он различает существование двух больших областей исследования в соответствии с характером знаков, представляющих, по выражению Барта, крупные и мелкие единицы дискурса. «Первая включает в себя знаки, подначальные фразе, такие, например, как риторические фигуры, явления коннотации, «семантические аномалии» и т. п., иначе говоря, все специфические единицы литературного языка в целом; вторая займется знаками, превышающими по размерам предложение; такими частями дискурса, которые позволяют объяснить структуру повествовательного произведения, поэтического сообщения, дискурсивного текста и т. п. [Барт 1989: 359].

Книга Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», которую мы хотим подвергнуть структурно-семиотическому анализу в духе Барта, критически изучалась сразу же после ее опубликования, 20 лет спустя после ее создания. Однако критика не могла далеко уйти от позиций социалистического реализма. Произведение, отмеченное необычайным творческим новаторством как на фоне всей литературы эпохи написания, так и современной литературы, воспринимается и сегодня как уникальное мировое явление, не случайно недавно переведенное во Франции в третий раз.

Поскольку любое литературное произведение является знаком, важна связь этого знака с другими литературными произведениями в их общей семиотической системе. Логика символов по Барту определяется также и жанровой принадлежностью произведения. В этом контексте вопрос жанра произведения Булгакова оказывается дискуссионным: подвергается сомнению его определение как романа. Эссе Барта «Критика и истина» подсказывает нам, что «Мастер и Маргарита» относится, скорее, к жанру «интимного дневника», который, в его представлении, есть способ запечатления известного числа социальных, семейных, профессиональных и тому подобных обстоятельств, как «мучительный способ отсрочить неминуемое одиночество» [Барт 1989: 349, 350]. Важно напомнить, что Булгаков писал произведение, не рассчитывая на публикацию, и, следовательно, он писал его как дневник. В этом случае он обращался либо к самому себе, либо к некоему воображаемому сверхчитателю, по терминологии Бахтина [Бахтин 1979]. Писатель не имел в связи с этими обстоятельствами общего, заранее продуманного плана произведения, имеющего значительный объем. Автор сознавал, будучи сам врачом, что он смертельно болен, и написание произведения растянулось на 12 лет, пока у него были силы писать до самой смерти, а публикация в урезанном виде состоялась 20 лет спустя после смерти автора. Эти обстоятельства имеют большое значение для восприятия произведения, его семиотического и институционального значения, поскольку, со слов Барта, роль смерти состоит в том, что она ирреализует подпись автора и превращает

произведение в мир. Отныне оно, заключает философ, является уже не историческим, а антропологическим явлением [Барт 1989: 350]. Смерть автора освобождает произведение от давления авторской интенции: «Стирая авторскую подпись, смерть устанавливает истину произведения, которая есть не что иное, как таинство», пишет философ [Барт 1989: 358]. Таким образом, разновидность жанра произведения является частью множественности его смыслов.

Важным фактором, способствующим образованию множества смыслов, является величина измерения образованных автором знаков в структуре произведения. В структуре текста, по замечанию Барта, вырисовываются две группы знаков. Одна состоит из знаков фразы, а другая превышает по размеру предложение. И мелкие, и крупные единицы дискурса связаны между собой отношением интеграции, подобным тому, что существует между фонемами и словами, между словами и предложениями, при этом, однако, они образуют самостоятельные уровни описания [Барт 1989: 359]. Самыми крупными единицами структуры текста являются, с нашей точки зрения, единицы интертекста, которые представлены в «Мастере и Маргарите» двумя так называемыми историями, античной и московской. Такую структуру произведения во французской культурологии называют «mise en abyme», когда один текст помещен в другой, но при этом обе означающие системы идентичны. Оба текста на первый взгляд и на протяжении всего произведения выглядят как совершенно разные означающие системы: один принадлежит античности, а другой – современен. Античный текст является трагедией, а московский комедией. Только к концу прочтения оба текста приобретают идентичный символический смысл. Они взаимно подтверждают свои смыслы, состоящие в том, что их главные герои обречены на гибель. Так Иешуа, сакральный канонический персонаж, превращается в слабого, униженного, избитого человека, который перед лицом власти в образе главы синедриона и Понтия Пилата, обречен на погибель. Одинаковая прагматическая функция двух историй, обеспечивающая связность всего произведения в целом, предназначена читателю произведения для формирования его эмоционального состояния, совпадающего с психологическим состоянием писателя, осознающего свою неминуемую смерть. Пример соединения двух различных семиотических систем в семиотической системе одного произведения, в одной из которых главным персонажем является образ Христа, изменившего 2000 лет тому назад идеологию развития человечества, свидетельствует о необыкновенном и смелом новаторстве Булгакова, так как он совершил покушение на сакральный персонаж, хотя примеров подобного рода довольно много. Так, например, Жак Оффенбах послал в своей оперетте богов в ад, а примером адекватного отношения к свободе вымысла в произведении является поведение царского двора, любившего оперетту.

Если все произведение есть в целом знак, то одним из его сознаний выступает символизм, который, по мысли Барта, предполагает образ глубины. С одной стороны, находится мир, лежащий на поверхности, а с другой – зияет многоликая и бездонная пучина [Барт 1989: 251]. При этом Барт подчеркивает, что отношение между формой и содержанием непрерывно обновляется благодаря течению времени. Булгаков предсказывает гибель двух систем, доказывая это одинаковыми социо-политическими причинами. Если политический конфликт в античной – это идеологический конфликт во властных структурах, то во второй, современной писателю, – это конфликт интересов в обществе, вызванный управлением властей, похожих по поведению на власти античной истории. Подтверждается указание Барта

о том, что при обнаружении единиц текста надо опираться на аналогию их функций. Кроме того, мы можем добавить, что Булгаков спрятал московский режим в античный текст в качестве меры его личной безопасности при возможном обыске или аресте, как это происходило с Мастером или обитателями известной квартиры.

В статье «Две критики» Барт выступает против зеркального отражения в трактовке литературного произведения биографических фактов автора, так как «явления отрицания реально пережитого никак не менее, если не более, важны, чем явления его адекватного отражения» [Барт 1989: 265]. Значимость жизненных фактов зависит «от их места в общем строе произведения», от функционального смысла, как «звенья функциональной сети фигур, которая в своей связности может быть понята лишь через внутреннее устройство произведения и его окружение, а не через его корни», указывает Барт [Барт 1989: 266]. Годы создания «Мастера и Маргариты» – это годы бедственного материального и профессионального положения автора, усугубленного смертельной болезнью. В процессе создания произведения Булгаков все время думал о своей жизни, об обществе, о Боге, о его роли в жизни и о своем неминуемом конце. Эти мысли питают его глубинное символическое воображение как означаемое знаков, лежащее в основе творения в жанре дневника, они обуславливают функциональное соотношение единиц текста всех уровней, формируя его биографическую и историческую социологию.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Сабо Т. Антропологический и семиотический аспекты трансгрессии в творчестве Л. Улицкой // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 275–294.

Хетени Ж. Антропоним как нарративный прием проблематизации идентичности автора и героя (Набоков и Шкловский в Берлине) // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 65–91.

Maziarczyk A. *Le roman comme jeu. L'esthétique ludique de Raymond Queneau.* Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2007. 205 p.

Maziarczyk A. *Reconfigurations romanesques de Minuit.* Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2017. 322 p.

REFERENCES

Barthes R. (1989) *Selected Works: Semiotics. Poetics.* Moscow. Progress Publ. 616 p.

Bakhtin M. (1979) *Aesthetics of Verbal Creativity / Compil. by S.G. Bocharov.* Moscow. Iskusstvo Publ. 423 p.

Szabó Tünde. *Anthropological and Semiotic Aspects of Transgression in Works by L. Ulitskaya.* In: *At the Crossroads of the East and the West: The Problem of Borderzone in Russian and Central European Cultures.* Moscow. Institute of Slavic Studies RAS Press. 2021, pp. 275–294.

Hetényi Zsuzsa. *Patterns of Literary Name-giving Strategy and the Uncertainties of Identity.* In: *At the Crossroads of the East and the West: The Problem of Borderzone in Russian and Central European Cultures.* Moscow. Institute of Slavic Studies RAS Press. 2021, pp. 65–91.

Maziarczyk A. (2007) *Le roman comme jeu. L'esthétique ludique de Raymond Queneau.* Lublin. Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. 205 p.

Maziarczyk A. (2017) Reconfigurations romanesques de Minuit. Lublin. Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. 322 p.

Сведения об авторе:

Елена Васильевна Соловьева,
канд. филол. наук
доцент
Московский государственный
лингвистический университет

Elena V. Solovieva,
PhD
Associate Professor
Moscow State Linguistic University

soloviova-elena@rambler.ru